

Елена ЕРШОВА:

«Мне хочется сделать что-то полезное для нашей страны»

– Елена Николаевна, что заставило Вас встать на путь борьбы за права женщин? Как все началось?

– Начиналось все в общем-то странно. Я окончила МГИМО и училась в основном среди мальчиков, работала всю жизнь среди мужчин, сначала в журнале «Коммунист», а потом в Институте США и Канады. Права женщин для меня сначала стали научным хобби, потому что меня заинтересовала вторая волна феминизма в США. Волна радикального движения с публичным сожжением бюстгалтеров произвела на нашу прессу такое впечатление, что она до сих пор ассоциирует феминизм с такими радикальными группами. На самом деле феминизм очень разный, в том числе либеральный, умеренный и т.д.

Следя за развитием событий в Америке, я сделала глупейший из возможных выводов о том, что если объединить наше замечательное законодательство и американскую практику можно перевернуть весь мир. Признаюсь, что была абсолютно не права, потому что наше равноправие и в советские годы, и в это время оставалось только буквой.

Сначала я создала чисто российскую организацию – международный женский центр и назвала его именем греческой богини «Гея», которая, по мифологии, упорядочила из хаоса весь мир. В этом я считаю главное предназначение женщины – из хаоса создавать порядок, начиная от дома и заканчивая мирозданием. В моем начинании меня поддержали две американские организации, нашла я партнеров и в Армении.

Дальше я столкнулась с совершенно непреодолимыми препятствиями, потому что никому этот женский центр не был нужен, ни Комитету советских женщин, не говоря уже о власти. Это был 1990 год.

Чтобы привлечь внимание к нашей организации мы провели конференцию «Женщины и рынок», причем оргкомитет заседал в основном у меня на кухне, но самое интересное, на что способны только женщины, мы разослали приглашения всем представителям власти, начиная с Ельцина. К нам пришел Руцкой, а раз пришел Руцкой, то за ним пришли министры, депутаты Верховного Совета.

На конференции я встретила с американками из фонда «Винрог интернешнл», которых до этого не знала, и которые предложили мне создать что-либо совместное. Мы решили построить что-то вроде мостика между американскими и российскими женскими организациями. Так появился женский консорциум СНГ – США, в который первоначально вошли 11 российских организаций. Мы начали работать даже без регистрации. Затем аналогичные структуры были созданы в Украине, Грузии, Узбекистане.

– Как Вы стали координатором Консорциума?

– В 1996 году резко сократилось финансирование консорциума, и американцы предложили вместо своего координатора мою кандидатуру. Я зарегистрировала эту структуру, как некоммерческое партнерство.

Когда я стала заниматься проектом сама, поняла, что все международные связи – это хорошо, и международный опыт бесценен, но то, что творится у нас в России, с нашими российскими женщинами, требует немедленного вмешательства, потому что дискрими-

ЕРШОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

Родилась 26 июня 1934 г. в Москве.

Образование:

1954 – Московский государственный институт международных отношений, диплом с отличием;

Опыт работы:

1957–1968 – редакция журнала «Коммунист»; помощник главного редактора, референт международного отдела

1968–1971 – аспирантура Академии общественных наук при ЦК КПСС; кандидат исторических наук;

1971–1993 – Институт США и Канады АН; старший научный сотрудник, автор и соавтор шести книг и многочисленных статей

Общественная работа:

1990–1998 – Международный женский центр «Гея», президент;

С 1995 – Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ, член комиссии

1995 – Экспертный консультативный совет при комитете Государственной думы по делам женщин, семьи и молодежи, член Совета

1996 – по настоящее время – Консорциум женских неправительственных объединений, координатор;

1997–1998 – Комиссия по вопросам улучшения положения женщин, член комиссии

2002 – член Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации

2005 – член Общественной палаты РФ

нация существует абсолютно во всех сферах жизни.

Равная зарплата за равный труд, это если только ты и твой коллега работаете в одном учреждении в одной должности, но в целом по России зарплата женщин составляет менее 70% от зарплаты мужчин, а некоторые эксперты считают, что не превышает 45–50% от мужской зарплаты. Причина в том, что ниже всех оплачиваются бюджетники, а 85% бюджетников – женщины. И даже в тех сферах, где работает подавляющее большинство женщин: учителя – женщины, директор школы – мужчина, врачи – женщины, главный врач – мужчина. И это непреложное правило. Но самое ужасное, что наши женщины говоря научным языком, страдают дихотомией сознания. Они, с одной стороны, считают, что они совершенно равноправны, а с другой стороны, на практике, они воспринимают как норму свое положение второсортных граждан и ничего не предпринимают против этого. С этим что-то срочно надо было делать.

В отличие от других структур мы построили организацию по принципу горизонтальной сети. У нас нет вертикали власти, мы ничего, ни за кого не решаем. Каждая членская организация решает за себя, сама намечает программу, обеспечивает себя деньгами. Наши обязанности – информационная, техническая

помощь, и когда мы находим деньги, мы проводим обучающие тренинги, издаем литературу. У нас совершенно не российская схема существования, нет никакого начальства и централизма.

На сегодняшний день у нас более 160 членских организаций в 52 регионах России и сейчас мы зарегистрированы как общефедеральная общероссийская организация. До этого мы выросли совершенно самостоятельно, потому как при большом количестве состоятельных мужчин в России, нет ни одного, который бы дал денег на продвижение женщин во власть. Живем мы всю дорогу на иностранные гранты, но может быть, в силу нашего характера нам никто ничего не диктует.

Все наши темы связаны с развитием гражданского общества, с правами женщин. Если нам выделяются деньги на развитие какой-либо темы, мы больше ни с кем не консультируемся и работаем так, как считаем нужным. По этому поводу даже был такой анекдотичный случай, когда в Вашингтоне я встретила с первым координатором, американкой. Я уже забыть об этом успела, а она мне говорит: «Вы меня поразили на первом же совместном семинаре в Саратове, когда встали и сказали: «Да американцы платят, но музыку мы будем заказывать только сами». По этому принципу 13 лет мы и существуем.

– Какую же «музыку» вы заказываете?

– «Музыка» у нас сугубо российская: мы ставим только те проблемы, которые важны для нас. У нас нет законодательной инициативы, тем не менее мы в свое время написали письмо в Госдуму с просьбой инициировать закон «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностях их реализации». Самое интересное, что этот закон прошел первое чтение в апреле 2003 года.

Мы вносили свои замечания и в закон «О политических партиях», и в Трудовой кодекс, мы лезем везде, но не нарушаем правило о недопущении иностранных денег в политическую деятельность, о котором говорил Путин.

Если иностранный фонд нам дает деньги на то, чтобы мы могли арендовать помещения, выплачивать какую-никакую зарплату, иметь техническое оснащение, всю работу, которая связана с Государственной думой и политикой, мы делаем на общественных началах. Деньги мы получаем только на обучающие, тренинговые программы, школы лидерства и т.п. Мы первые в России организовали «Школу лидерства» в 1992 году. Эта была первая женская школа, занятия в которой прошли накануне первых выборов в Государственную думу.

Сейчас эти школы существуют во всех регионах и поднялись на другую ступень. В течение трех лет перед последними выборами у нас функционировали Высшие женские политические курсы имени Шабановой по уникальной запатентованной учебной программе. Это, собственно говоря, подготовка женских кадров для работы на уровне принятия решений.

Вся наша работа интересна и действительно важна, потому что нужда в этом ощущается во всех регионах. Когда приходят заявления от таких организаций, как кризисный центр «Тундровичка» на Колыме, я понимаю, насколько это важно для женщин, если они на свои собственные копейки хотят знать, как работать, что делать, ищут пути решения проблем.

В последние годы при организациях появилось очень много групп «Матери против наркотиков». Эти группы мы сводим с Зыковым, руководителем московской организации «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), у которого хорошо

отработаны методики борьбы с этим злом. Мы помогаем кому как можем.

– Каким проектом сейчас занимается консорциум?

– Сейчас у нас начинается очень важный, на мой взгляд, проект. У нас развалилась полностью вся структура контроля за женской политикой. В 1995 году на женской конференции в Пекине было принято решение о создании во всех странах механизма контроля за положением женщин. Мы подписали этот документ, после чего при правительстве была создана комиссия по статусу женщин, которую традиционно возглавлял вице-премьер по социальным вопросам. В это время также действовала комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ и существовал «круглый стол» женских организаций в Министерстве труда. На первый взгляд механизм был, но когда он не заложен в бюджет, это все слова. Был принят Национальный план по улучшению положения женщин, но механизм был закреплен не законодательно, а волею отдельных руководителей. Такое положение дел мне не нравилось.

И точно, в сентябре 2000 года Путин ликвидировал комиссию по вопросам женщин, семьи и демографии.

На «круглом столе» женских организаций я сказала Кареловой, она тогда была первым заместителем министра труда: «Галина Николаевна, вас повысят, и «круглому столу» придет конец». Как в

воду глядела. Карелову сделали вице-премьером, и «круглый стол» перестал функционировать.

Теперь у нас в правительстве один вице-премьер, вице-премьера по социальным вопросам нет, и в апреле 2004 года правительственная комиссия по положению женщин была ликвидирована, то есть у нас отсутствует механизм, через который реализовывалась бы политическая воля по решению этой проблемы.

Вопрос не в том, что я или кто-то еще хочет прийти во власть. Просто у мужчин и женщин разный коллективный менталитет, мужчины все еще играют в солдатики. Им важны ВПК, правоохранительные органы, им важна армия. Женщинам важны семья, дети, образование, здравоохранение, все то, что у нас финансируется по остаточному принципу. Ситуация с остаточным принципом будет сохраняться всегда, потому что эксперты выявили закономерность: если в парламенте меньше 20% женщин, парламент не занимается детьми, если женщин меньше 30%, он не занимается женскими проблемами.

Все наши попытки внести изменения в избирательное законодательство не увенчались успехом. Почти в ста парламентах мира существует норма, которая регулирует количество женщин в парламентских структурах. Это может быть конституционный закон, это может быть избирательный закон или партийное законодательство, в соответствии с

которым каждая партия должна включить в свой список определенный процент женщин. Есть целый ряд стран, в которых у партии, включившей в свои списки меньше женщин, чем было заявлено на выборах, отбирается определенное количество мест, которые она заполнила мужчинами. И никто не считает это унижительным. Это преодоление, если хотите, традиционного патриархата.

Общество нужно воспитывать. Мы убедили в этом А.А. Вешнякова, и в последний проект избирательного закона он включил эти 30%. Мы не называем это квотой, мы считаем, что это должна быть внутренняя общественная договоренность, что соотношение между полами должно быть приблизительно 70% к 30%. И я уверена, что через двадцать лет мужчины скажут спасибо за эти 30%.

Так что с Вешняковым мы договорились, а рабочая группа, в которой было два представителя партии «Яблоко», высказались против: «Это дискриминация мужчин, вы хотите, чтобы в Госдуме мужчин стало на 20% меньше». Вот и весь подход.

Женщины и мужчины в равной степени несут ответственность за то, что происходит в обществе. Но для того чтобы за что-то отвечать, необходимо иметь какие-то права, необходимо иметь возможность влиять на бюджет.

К примеру, что получилось со 122 законом, когда все полномочия по его исполнению передали в регионы. По этому закону ребята, выпускники детских домов, имели право на получение жилплощади, бесплатного образования или трудоустройства. Теперь это отдано на откуп нищим регионам или, можно сказать, ликвидировано.

Мы пытаемся решить многие вопросы, связанные со здравоохранением, образованием, сельской местностью. Но нам перекрывают кислород, мы не можем этим полноценно заниматься. Регионы берут пример с федеральной власти. Если федеральная власть относится всерьез к проблемам женщин, и они будут относиться всерьез, а до тех пор, пока нет никакой политической воли к решению этих проблем, ее и в регионах не будет. И в то же время никто, кроме общественных женских организаций, не только не хочет, не способен всерьез заниматься всеми этими проблемами.

С. Э. Панфиловой и Л. Слиской на Всероссийских женских чтениях

12 июня 2001 года. Москва. Кремль. Встреча президента РФ В.В. Путина с представителями неполитических общественных организаций России

Чем отличается государственная служба от работы в общественных организациях? Скажем, та же служба опеки, социальных проблем. Они с 9 до 18 отсидели, зарплату получили и трава не расти, а у общественных организаций за это душа болит, иначе бы люди не тратили свое время и энергию бесплатно на решение всех этих проблем. Значит, нужно попытаться как-то объединить одно и другое. Мы не решим без государства, а государство не решит без нас. Мы обязаны работать совместно.

– Вы стали одним из первых членов Общественной палаты. Поможет ли Ваше назначение решить все текущие проблемы, не будет ли Общественная палата также далека от народа как все власть имущие?

– Это зависит от тех людей, которые туда войдут. Сейчас я вижу там много достойных людей, не равнодушных, которые молчать не будут. Теперь многое зависит от подбора последней трети. Какого характера это будут люди. Здесь, что очень важно. Есть люди вроде бы очень активные и горластые, которые могут вывести за собой на митинг каскадами стучать. Но Общественной палате нужно не это.

Нужно, во-первых, не бояться власти, во-вторых, быть настоящим профессионалом, потому что основная ее функция – экспертиза. И как правильно заметил Сурков, экспертиза не только законопроектов, но и тенденции развития. Если нам дано такое право, мы смо-

жем оценивать в каком направлении идет развитие. Пусть мы не имеем права решать, но мы можем рекомендовать и привлекать к обсуждению властные структуры, что очень важно.

Другая, не менее важная сторона – воспитание гражданского общества, потому что через эту структуру начнут создаваться все больше и больше однотипных общественных палат на местах. Не может быть гражданского общества без сознательных граждан. Значит это один из путей воспитания и развития гражданского общества, что тоже безумно важно. Я даже не знаю, какая из этих двух функций важнее.

И потом, если с нами действительно будут считаться и президент, и правительство, аналогичное отношение будет формироваться в регионах, на местах. Это все очень и очень важно. В связи с этим у меня самые оптимистичные надежды, а что получится, уже зависит от нас самих. Если мы будем сидеть как рохли и ждать команды сверху, ничего хорошего из этого получиться не может, поэтому будем надеяться на лучшее.

– По сути, то, чего Вы пытались добиться многие годы, осуществилось. Теперь законы от имени правительства будут вноситься на рассмотрение в Госдуму уже после того, как они получили апробацию общественности, когда общественность уже этот закон посмотрела, проанализировала и поддержала?

– Я все время пыталась доказать, что правительству гораздо лучше, если

оно вносит законопроект в Думу, а мы этот законопроект уже с общественными организациями обсудили, мы учли их замечания и мы предлагаем уже нечто апробированное.

Возвращаясь к 122 закону, если бы кто-то с нами считался, не было бы этих безумных ляпов. По крайней мере, мы подавали всюду замечания, которые касались даже не столько женщин, сколько детей. Понятно, что мы только начали этот новый путь, и мы не можем его проделать, не совершая ошибок. У нас есть очень серьезная ошибка в Конституции, которая образование сделала не обязательным, там говорится только о праве на образование. Это значит, что у нас никто не отвечает за то, все ли дети пошли в школу.

Раньше за это отвечало РАО, а сейчас у нас около 10% детей школьного возраста в школу не ходят. Мы воспитываем безграмотное поколение, которому будем должны передать страну. Это же серьезнейшая проблема, а не моя бабская блажь, просто я способна заглянуть на два шага вперед.

Разговоры о том, что надо закрыть детские дома, а сделать семейные усыновления – это вопрос завтрашнего и послезавтрашнего дня, а сегодня, пока у нас дети живут в детских домах, вы их накормите досыта, дайте им образование. Решите проблему детей, оставленных в роддомах, которые живут до 2–3 лет в больницах и их не спускают с кроватей. Получается, что мы воспитываем имбицилов, у них нет практики ни хожде-

ния, ни разговора, они должны уже проходить школу социализации, а они еще в кроватках. Общество развивается, мы говорим о высших технологиях, а воспитываем олигофренов, которые, кроме как встать к конвейеру, ни на что не способны. И мы вынуждены открывать все новые и новые заведения для умственно отсталых детей, инвалидов и т.д. Что

того, чтобы сантехник смог починить вам кран, его заставят закончить хотя бы какие-то обучающие курсы. Для того, чтобы быть родителем и воспитывать ребенка, вас ничему не заставят учиться, вам ничего никто не будет объяснять. Забеременели и вперед, и чем больше, нам говорят, тем лучше.

Проблемы у нас гендерные, потому

щин. Значит, демократии не может быть совсем. А у нас, между прочим, подавляющее большинство правозащитников этого совершенно не понимают и не скрывают своего мужского шовинизма. Совершенно уникальная ситуация. На Западе, может, они и мужские шовинисты, но понимают, что если это декларировать, то можно поставить крест на своей политической карьере. А у нас это абсолютно неадекватно. Хотя с моей точки зрения мужская власть, которая довела страну до такого состояния, могла бы и постесняться результатов своей деятельности. Это же они нами руководят из года в год, из века в век и до чего довели великую державу. В российской истории был век, который называют бабьим. Это правление Елизаветы, Екатерины. Именно тогда Россия прислала Таврией, Приднестровьем и многими другими территориями, потеряли мы которые, как известно, не при женской власти.

– Каковы задачи, которые будут решаться Вами приоритетно, когда начнет функционировать Общественная палата? К примеру, меня очень волнует здравоохранение,

«Диалог женщин с властью», 2003 год. На встречу были приглашены В.И. Матвиенко, А.А.Починок, А.А.Вешняков, все лидеры центристских партий

мы делаем? Да, демографическую проблему надо решать, но ведь надо же думать не только о количестве, а прежде всего о качестве.

Женщин, которые бросают одного, второго ребенка и собираются родить следующего, я бы стерилизовала. Я понимаю, что это не совместимо с правами человека, но здесь встает вопрос о правах этой матери или правах ее будущих детей.

Необходимо найти деньги и провести исследования этого явления, откуда оно взялось. У нас было сиротство в годы Гражданской войны, после ВОВ, но это было сиротство, а не социальное сиротство. И когда мне говорят, что все упирается в экономику, это ерунда, во время войны жить было не легче, но никто детей не бросал. Что с нами произошло? Как может быть такой разрыв между, извините, материнским инстинктом и таким аморальным, асоциальным поведением. Нужно же в этом разобраться.

Родительство должно быть ответственным. Но получается парадокс. Для

что мужчины и женщины реагируют на них по-разному. Многие гендер ассоциируют только с женщинами, нет, гендер – это и тот пол, и другой, и все законы, указы и постановления влияют на одних и на других по-разному. И нужно смотреть не вообще, а как они сказываются на конкретной группе населения.

Нельзя построить демократию для половины общества, нельзя так, чтобы общество было демократичным для мужчин и дискриминационным для жен-

что будет с институтом педиатрии. Уже сейчас, чтобы сдать обычный анализ крови в детской поликлинике запись на месяц вперед?

– Я состою во многих комитетах, в том числе в консультативном гендерном комитете при Министерстве здравоохранения. Когда они нас там собрали, заверяли, что хотят с нами сотрудничать, мы сказали, что готовы дать свои замечания по предлагаемой реформе, но вы глубоко заблуждаетесь,

если думаете, что от нас кто-нибудь что-нибудь попросил. Более того, месяц назад наша организация проводила общественные слушания по вопросам, связанным с детством, никто из Минздрава к нам не пришел. Вот такое отношение к общественности.

Я надеюсь, что, когда будет функционировать Общественная палата, у них не будет выхода. Но Общественная палата будет полностью укомплектована и начнет свою работу только к новому году, а они сейчас понапринимают эти законы. Исправлять

всегда хуже, чем провести профилактическую работу и не допустить этого. Кроме того, я не могу пока получить полный проект предлагаемых реформ.

Но я могу сказать одно: не нужно молчать и ждать, а нужно собрать ту же самую очередь в поликлинике и написать протест, и не главному врачу, а Зурабову, что вы категорически протестуете против такой реформы здравоохранения, что по Конституции ни одна реформа не должна ухудшать положение граждан.

Президент говорит одно, а чиновники делают совершенно обратное. И пока не начнут протестовать совершенно обычные люди, ничего не изменится. Пенсионеры же вышли с протестом, и у них получилось. Даже когда будет функционировать Общественная палата, мы только вместе сможем что-либо менять, причем нам нужны не индивидуальные жалобы, а организованные общественные действия, оценка того, что делается обществом, а так нас и слушать никто не будет.

Не менее кошмарная ситуация с образованием. Мы должны платить 25% даже за общее образование своего ребенка. Ладно, если у вас эти деньги будут, но у подавляющего большинства их нет, особенно в сельской местности. Так откуда взяться новым Ломоносовым?

Такое ощущение, что заседающие в Думе и Совете Федерации, живут в другой стране, совсем в другом измерении, и у них нет детей, или они действительно за границей все учатся и не собираются сюда возвращаться. Я не понимаю.

В Белом доме с мадам Буш, которая благодарит Елену Николаевну за подаренную ей салфетку вологодских кружев

Вопросов так много, что ими надо заниматься и заниматься. И я очень довольна, что у нас так много женских организаций, пусть они и не очень большие. Но есть колоссальный минус, в организациях состоит женская интеллигенция, преподаватели, врачи. Женщины, занятые на производстве далеки от всего этого, им нужна сегодня только зарплата. Они не знают, на что могут претендовать и как добиться каких-то своих целей. Не знают этого и мужчины, поэтому мы считаем своим долгом, проводя обучающие программы, задействовать и их. У нас была программа, которая работала в московской школе и в шести университетских городах. Но для России это капля в море, а давать образование надо всем. Но нельзя сидеть, сложа руки, иначе так будет до бесконечности. Патриархат был и будет сохраняться, и уничтожить его мы можем только своими собственными руками.

– Меня как мать волнует влияние телевидения, рекламы в частности, на умы подрастающего поколения.

– Телевидение превратилось в самодостаточную систему зарабатывания денег. Когда кто-то, например Познер, говорит о создании общественного телевидения, смешно слушать. Телевидение на рекламе делает огромные деньги, разве они откажутся от этого. Не осталось ни одного ток-шоу уровня Савика Шустера или Светланы Сорокиной, на экране один фантастический примитив.

Мы в свое время ходили к Сванидзе, когда он руководил телеканалом

«Россия», и просили 13 минут в неделю для того, чтобы одна из женщин-специалистов давала оценку главным событиям недели с точки зрения интересов женщин. У женщин есть свои подходы ко всему, включая внешнюю политику, есть профессионалы, способные сделать этот анализ на самом высоком уровне. У нас 60% женщин имеют образование, и всего лишь 46% мужчин, которые этим могут похвастаться. Получается, что безграмотное мужское меньшинство управляет женским образованным большинством. И никто не считает это неправильным. Да, сейчас становится больше женщин на уровне директоров департаментов, даже заместителей министров, но это все уровень рабочий. Как говорила Тэтчер, «если вам нужен работник, возьмите женщину, если вам нужно представительство, берите мужчину». Женщины вкалывают, а принятие решений остается прерогативой мужчин.

Я не против этого, мы работали с Сысоевым, продолжаем работать с Вешняковым, у нас есть союзники в Госдуме, но их подавляющее меньшинство, и, к сожалению, не они делают погоду.

– Как много женщин сегодня идут во власть? Есть ли динамика?

– Все кричат, что за женщин не голодают. Это святая неправда. Если женщин 10% в списке, то их нельзя выбрать в количестве 30%. Для того чтобы женщина была выбрана, она должна быть номинирована. У нас прямое нарушение пассивного избирательного права, которое предполагает, чтобы женщины были номинированы на равных с мужчи-

нами на выборные должности. А если их в среднем 10% в списках, как показал гендерный анализ последних выборов, их и в Госдуме эти 10%.

В дальнейшем будет еще хуже, наша поправка отвергнута. Значит, открыта дорога, для того чтобы в партийных списках еще больше мест заняли мужчины.

– Вместо динамики, наоборот, спад?

– Я просто предвижу, что на следующих выборах число женщин уменьшится. У нас есть шесть регионов в России, в которых в законодательных собраниях вообще нет ни одной женщины. О чем мы говорим?! Как эти регионы будут решать проблемы детских учреждений, здравоохранения, школьного образования, проблемы, связанные с семьей, социальной защитой, культурой. Про пенсии я уже молчу. У нас откровенно дискриминационная система пенсионного начисления, она не может быть другой, если у женщины средняя зарплата составляет ниже 70% от мужской. Добились мы только того, что период декретного отпуска восстановлен в пенсионном стаже, но он не должен превышать трех лет. Странно. Мы кричим о демографической проблеме, но косвенно ограничиваем число детей в семье двумя.

Женщины раньше уходят на пенсию, считается, что у них срок дожития на 12 лет больше, то есть те деньги, которые у них накопились к выходу на пенсию распределяются еще на более длительный период. По оценкам наших специалистов, женская пенсия у людей с одинаковым образованием будет составлять 45–47% от мужской. И здесь остается только удивляться мужчинам, ведь когда они выходят на пенсию, пенсии их жен являются составляющей частью семейного бюджета. Дискриминируя женщин, мужчины обворовывают сами себя.

– Как Вам удается сочетать все поистине колоссальные общественные нагрузки?

– У меня всегда была хорошая и любимая работа. Но о том, чем я занимаюсь сейчас, можно сказать «своя ноша не тянет». Я придумала и продолжаю придумывать все это сама, и я хочу, чтобы хотя бы мои внуки жили в нормальном цивилизованном обществе. Мне бы очень хотелось, хотя бы немного изменить нашу страну к лучшему. Я объездила почти весь мир, мне есть с чем срав-

нить. Наша страна удивительнейшая. Но чтобы заниматься решением всех раздражающих ее проблем, надо иметь не только образование и мозги, нужно сердце иметь и мораль. Но если люди, дорвавшиеся до власти, думают только про свой карман, то от этого становится очень обидно и грустно, потому что мы этого как страна и как народ совершенно не заслуживаем.

Мне легко от того, что я не стремлюсь к власти. Мне хочется сделать что-то полезное, мне хочется видеть детские улыбки. И совсем не хочется видеть торгующих на светофорах несчастных мальчишек и девчонок и восседающую невдалеке и наблюдающую за ними «хозяйку», дергающую за ниточки. От этого у меня сердце кровью обливается и хочется как-то изменить людей, достучаться до них. Ведь у всех же есть дети. Так как мы живем жить нельзя. Это не по-людски. Хотя я прекрасно знаю по опыту зарубежных стран, что благотворительностью даже самые богатые люди начинают заниматься не раньше третьего поколения. Первое и второе поколение копейки не дадут, и мы сейчас в такой ситуации. Но если ничего не делать, то и четвертое поколение будет таким же.

Мне трудно объяснить, но по-другому я своей жизни сейчас не представляю. Хотя признаюсь, что утром я еле-

еле собираю себя по составным частям и говорю, что если ничего не болит, значит, ты умер. Вечером ситуация схожая, по мере приближения к дому я так же начинаю разваливаться. Устаю я, конечно, ужасно, но я создала и занимаюсь своим любимым детищем.

– Дома у Вас не нарушаются права женщин?

– Нет, у меня фантастический муж. Летом мы отметим золотую свадьбу. Он удивительный человек. Хороший муж, но еще лучший отец. В моей жизни был период, когда я шесть лет провела в основном в Боткинской больнице. Муж практически каждый день приезжал ко мне, все няньки поразились и пускали его в любое время. С момента моей болезни заботу о дочерях он также взял на себя. Не каждая женщина выдержит мужа-инвалида, а тут мужчина... Я могу сказать одно: мне крупно повезло.

Когда я получила номинацию на Нобелевскую премию мира 2005 года в числе 1000 женщин планеты, на каком-то семейном торжестве муж сказал: «Ребята, как я буду с ней жить, если она еще и Нобелевскую премию получит!»

– Что бы Вы могли пожелать читателям в заключение нашего разговора?

– Я могу пожелать только одного, не быть всем нам равнодушными.

Инна Шарина

Штат Техас. Вместе с представителями ООН по делам беженцев